

ПРОГУЛКИ ПО ПЕТЕРБУРГУ.

I.

УТРО НА ТОЛКУЧЕМЪ РЫНКѢ.

Есть внутри Апраксина Двора одно уютное мѣстечко, защищенное отъ городского шума рядами разнокалиберныхъ лавокъ и извѣстное подъ названіемъ «Толкучаго Рынка». Кто не бывалъ никогда на Толкучкѣ (популярное его названіе), тотъ или вовсе не можетъ составить себѣ никакого понятія объ этомъ уголкѣ Петербурга, или составитъ понятіе совершенно превратное. Онъ вообразить себѣ, пожалуй, что это шумное, грубое сборище черни, въ которое ни одинъ порядочный человѣкъ не заглядываетъ. Ничего подобнаго не бывало.

Если вы будете смотрѣть на Толкучій какъ на сборище чисто торговое, то очень ошибетесь. Мнѣ случилось по пяти разъ съ ряду встрѣчать одного и того же человѣка съ однимъ и тѣмъ же перочиннымъ ножикомъ въ рукѣ. Неужели его привлекаетъ сюда корысть? Вглядитесь въ его безпечную физиономію: онъ нисколько не думаетъ о своемъ товарѣ — да и думать о немъ, правду сказать, не стоитъ — онъ занятъ толками о какомъ нибудь поношеномъ фракѣ и его покойномъ хозяинѣ, объ изображеніи розовой Венеры съ краснымъ Купидономъ или о достоинствѣ книги, которой заглавіе вы въ первый разъ отъ роду слышите.

Если только въ васъ хоть сколько нибудь развито чувство наблюдательности, остановитесь вотъ хоть на этомъ помостѣ, съ котораго владѣлецъ сосѣдней лавочки учтиво проситъ какого нибудь кавалера съ сапогами или торговку съ мужскою шляпой на головѣ удалиться на средину. Не бойтесь, васъ онъ объ этомъ не попроситъ: вы, какъ покупатель его подсвѣчниковъ, шкатулокъ, темляковъ и тому подобнаго (онъ въ каждомъ предполагаетъ своего покупателя), пользуетесь уваженіемъ всей его братіи. Остановитесь и посмотрите. Чего вы не увидите на рукахъ у этого народа, который снуетъ передъ вами взадъ и впередъ! Часы, шали, желѣзные шпоры, занавѣски къ окнамъ.... и не перечесть всего.

Не знаю, какъ для васъ, но для меня всѣ такія вещи составляютъ предметъ разнообразныхъ размышлений. Это отрывки изъ повѣстей и романовъ дѣйствительной жизни. Если ваше воображеніе осталось дома вмѣстѣ съ кшами бумагъ, отъ которыхъ вы оторвались

на минуту, какъ школьникъ, въ такомъ случаѣ оставьте вещи въ покоѣ и разсматривайте только лица и костюмы. Тѣ и другіе говорятъ за себя ясно. Разнообразіе типовъ здѣсь удивительное. Прислушайтесь къ тону, взгляните въ манеру каждаго. Вы тотчасъ отличите здѣсь торговаша и торговку, продающихъ чужія вещи, отъ этихъ мизерныхъ фигуръ, которыхъ бѣдность принуждаетъ разстаться съ какими нибудь менѣе необходимыми пожитками, чтобы купить то, безъ чего имъ рѣшительно невозможно обойтись. Вамъ будутъ предлагать то часы, тридцать лѣтъ съ ряду указывавшіе хозяину ихъ время, когда онъ долженъ былъ являться на службу, то новое бальное платье, еще вчера охватывавшее талію красавицы. Сколько живыхъ исторій передъ вами! Откуда каждый изъ этихъ продавцовъ вышелъ и въ какіе дома, по какимъ лѣстницамъ, въ какія обиталища возвратится!

Во второе и въ третье посѣщеніе Толкучаго вы уже начнете различать постоянныхъ посѣтителей этого разнообразнаго сборища отъ мимолетныхъ его гостей. Вы узнаете—даже вовсе не спрашивая—нѣкоторыя подробности о разныхъ болѣе или менѣе замѣчательныхъ здѣшнихъ личностяхъ; а если вы мало-мальски любопытны, то передъ вами откроются такія тайны, отъ которыхъ вамъ слѣдается или смѣшно, или грустно....

У меня есть на Толкучемъ одинъ знакомый старикъ. Владѣльцы неподвижныхъ лавочекъ зовутъ его дядя Михѣичъ и обращаются къ нему съ просьбою «построниться» особенно почтительнымъ тономъ. Вы его узнаете по длинной сѣдой бородѣ и довольно правильнымъ чертамъ лица, сильно противорѣчащимъ неправильности его ветхаго костюма и странному образу жизни, какой ведетъ этотъ старикъ. Онъ вѣчно шляется по Толкучему съ парю бумажныхъ платковъ и десяткомъ разрозненныхъ томовъ никому не нужныхъ книгъ. Богъ его знаетъ, какъ онъ можетъ существовать этимъ ремесломъ. Мнѣ никогда не случалось видѣть, чтобъ у него кто нибудь покушалъ книги или платки. Останавливаютъ его пожалуй многіе и долго разсматриваютъ его библіотеку, которая помѣщается за пазухою его синяго, двадцать разъ заплатаннаго балахона; но дѣло кончается только обзоромъ и распросами, что въ какой книгѣ напечатано. Старикъ расскажетъ вамъ обо всемъ этомъ очень обстоятельно и съ такимъ видомъ, какъ будто у него дѣйствительно цѣнныя книги, а между тѣмъ онъ проситъ за лучшія изъ нихъ по гривенничку, и никогда не больше. Вы у него найдете книги даже по три копейки серебромъ, по двѣ и даже по одной.

Я думаю, что онъ живетъ въ домѣ какого нибудь родственника, гдѣ его кормятъ и даютъ даромъ уголь, а книжною торговлею зани-

мается изъ любви къ предмету, а не для корыстныхъ цѣлей. Жадности я въ немъ никогда не замѣтилъ, хотя всякій разъ непременно куплю у него какуюнибудь книгу и всегда плачу безъ торгу. Несмотря на то, онъ выше никогда съ меня не запрашиваетъ.

Странно видѣть спокойное и веселое лицо этого дяди Михѣича тому, кто зимой встрѣчалъ его на Толкучемъ, одѣтаго въ тотъ же синий, вѣтхій балахонъ, что и лѣтомъ, а еще страннѣе тому, кто знаетъ, что этотъ старикъ былъ въ свое время богатымъ купцомъ. Какъ онъ раззорился, какъ дошелъ до такого жалкаго состоянія и какъ онъ сохранилъ до сихъ поръ здоровье—онъ еще очень бодръ—и сердечную веселость, это могло бы послужить матеріаломъ для занимательной повѣсти-біографіи, какія нынѣ входятъ въ моду. Къ сожалѣнію, я не чувствую на этотъ разъ вдохновенія и боюсь испортить сюжетъ, взявшись за него съ холоднымъ воображеніемъ и сердцемъ; а потому ограничиваюсь только указаніемъ на этотъ замѣчательный типъ. Я подѣлюсь на этотъ разъ съ читателями «Современника» только удовольствіемъ, которое испыталъ вслѣдствіе послѣдняго моего посѣщенія Толкучаго.

Надобно вамъ знать, что мы большіе пріатели съ дядей Михѣичемъ. Изъ какого бы отдаленнаго конца Толкучаго онъ ни завидѣлъ мою шляпу—я, благодаря Бога, не обиженъ отъ природы ростомъ—тотчасъ пробирается ко мнѣ промежъ кумушекъ ходячихъ, у которыхъ на рукахъ продается открытое для всѣхъ платье, а подъ фартухами привѣшены къ поясу узелки съ вещами, доступными только для знакомыхъ, — промежъ кумушекъ сидячихъ, у которыхъ на головѣ надѣто, тульями напередъ, попяты и болѣе дамскихъ шляпокъ, а въ коробкѣ блестятъ пуговицы виць-мундировъ и краснѣтъ вычищенная мѣдь кострюль и старинныхъ самоваровъ, — промежъ кавалеровъ, покупающихъ на пятакъ орѣховъ и рожковъ въ платочекъ, — пробирается и еще издали машетъ мнѣ своею шапкой, сколько это позволяетъ ему изломанный козырекъ, и издали освѣдомляется о моемъ здоровьи.

Такая короткость между людьми, принадлежащими къ двумъ различнымъ слоямъ общества, никого здѣсь не удивляетъ. Здѣсь люди давно отвыкли удивляться, среди вѣчнаго прилива и отлива развѣхъ диковинокъ. Потомъ дядя Михѣичъ освѣдомляется о моемъ братѣ, тоже большомъ любителѣ Толкучаго, о моихъ домашнихъ, которыхъ онъ никогда не видалъ, проситъ передать всѣмъ имъ нижайшій поклонъ и наконецъ уже обращается къ предметамъ своей торговли. Иногда я и не зашелъ бы на Толкучій, но, какъ подумаю, что дядя Михѣичъ будетъ искать меня глазами, то и зайду.

— Что васъ давно не видать? спрашиваетъ иногда меня дружески дядя Михѣичъ, и — странно — мнѣ становится почти такъ же совѣстно передъ нимъ, какъ и передъ хозяйкой какого нибудь пріятельскаго дома, въ которомъ меня любятъ и ласкаютъ, но въ который иногда случится не заглянуть мѣсяца два.

— Ну, что новенькаго у тебя, дядя Михѣичъ? спрашиваю я обыкновенно.

— Да что, *судырь!* отвѣчаетъ онъ: — плохой книги вы читать не станете. Вамъ надо хорошую книгу.

— Разумѣется.

— Вотъ есть востокская грамматика, продолжаетъ онъ, глядя себѣ за пазуху: — а вотъ лютеровъ катехизецъ, да эти для васъ не годятся. Вы вѣдь православный?

— Еще бы! отвѣчаю я и думаю, почему бы для православнаго человѣка не годилась грамматика.

— А вотъ у меня есть книги, — славныя книги. Эти вамъ понравятся, говоритъ дядя Михѣичъ, вытаскивая изъ самой глубины пазухи покажѣсть одну изъ этихъ «славныхъ книгъ».

Я показываю видъ, будто бы въ самомъ дѣлѣ эта книга уже одной своею паружностью мнѣ очень нравится, и нетерпѣливо протягиваю къ ней руку.

— Вотъ видите, *судырь!* продолжаетъ онъ, отводя въ сторону книгу и показывая мнѣ заглавный листокъ нѣсколько издали: — видите, вотъ напечатанъ греческій философъ Сократъ.

Дѣйствительно, на рамкѣ, которою окружено заглавіе книги, стариннымъ политипажемъ оттиснута головка въ профиль, съ надписью: «СОКРАТЪ».

— Вотъ оно что, *судырь!* продолжаетъ торжественнѣе прежняго дядя Михѣичъ, между тѣмъ какъ насъ окружили съ любопытствомъ старухи и кавалеры съ платочкомъ въ рукахъ: — вотъ оно что! Это книга «Растущій Виноградъ».

И читаетъ передо мной все заглавіе:

— «Ежемѣсячное сочиненіе, издаваемое отъ Главнаго Народнаго Училища города Святаго Патра. Мѣсяцъ Генварь 1787.»

Всѣ очевидно поражены «Растущимъ Виноградомъ» и всѣхъ больше я.

— Давай, братъ, давай! говорю я. — Ну, а другая что за книга?

— Другая, отвѣчаетъ онъ, окинувъ взглядомъ все собраніе, какъ будто говоря: «Вотъ какіе господа у меня книги покупаютъ!» — другая, *судырь!* не книга, а объявленіе. То есть, я вамъ скажу.... ну!...

Онъ махаетъ рукой, съ видомъ человѣка, рѣшающагося разстаться съ драгоценнѣйшею для него вещью.

— Вотъ она! вскрикиваетъ онъ, выхвативъ ее не глядя изъ за пазухи и сунувъ мнѣ въ руки. — Возьмите, Богъ съ вами. Баринъ-то больно хорошъ! прибавляетъ онъ, обращаясь къ честной компаніи.

Я развернулъ книгу дрожащею рукой (я озябъ, стоя долго на одномъ мѣстѣ безъ движенія): заглавнаго листа нѣтъ.

— Что же нѣтъ заглавія? спросилъ я.

— На что вамъ заглавіе? вскрикнулъ дядя Михѣичъ, по видимому, разсердясь и вырвавъ у меня изъ рукъ книгу. — Развѣ не видите безъ заглавія, какова книга? Смотрите, какъ кожа-то на переплетѣ истерта и замаслена. Тотчасъ видно, что изъ рукъ не выпускали. Да что! смотрите, читайте сами.

Онъ развернулъ книгу въ одномъ мѣстѣ, гдѣ снизу подломлено было два листочка. (Это у букинистовъ въ родѣ Михѣича всегда дѣлается въ книгахъ, для удобнѣйшаго пріисканія разныхъ статей.)

Я прочиталъ заглавіе:

«Лжебѣснующая повѣсть Взятая изъ Персила и Сигисмунда, романа Кервантова».

— Что, любезный другъ? сказалъ съ торжествомъ дядя Михѣичъ, заглядывая мнѣ въ глаза.

Тутъ ужъ онъ забылъ всякое различіе нашихъ званій и даже началъ называть меня *ты*.

— А это какъ тебѣ покажется? сказалъ онъ, развернувъ книгу въ другомъ мѣстѣ.

Заглавіе книги было слѣдующее: «Приключенія младья особы, заключившіяся въ дуплѣ дуба», тоже повѣсть Кервантова.

— А это?

Читаю: «Смерть Маріамны, повѣсть Взятая изъ романа Клеопатрина.»

Я спѣшу завладѣть драгоценной книгой, какъ Одыбѣкъ Вальтера-Скотта или какъ тотъ знаменитый книгоищедка, передъ которымъ преклонялся самъ Одыбѣкъ, этотъ незабвенный антикварій! спѣшу потому, что у многихъ посѣтителей Толкучаго Рынка тоже разгорѣлись глаза, когда я прочиталъ заглавіе повѣсти о молодой особѣ, заключившейся въ дуплѣ дуба. Я опасаясь, чтобы кто нибудь изъ нихъ, соблазнившись этой особой, не вздумалъ перепробовать ее у меня....

— Что же стоишь твой книжки? спросилъ я.

— Да что, отвѣчалъ смиренно дядя Михѣичъ, какъ будто продалъ мнѣ самыя обыкновенныя книжонки: — ужь извѣстно вашей милости: по гривенничку за штуку.

— Очень хорошо.

Плачу деньги, раскланиваюсь, получаю усерднѣйшіе поклоны братцу, супругѣ, дѣткамъ и удаляюсь.

Ворота домой, я принимаюсь сперва за книгу, украшенную портретомъ великаго философа. Она состоитъ изъ статей серьезнаго и веселаго содержанія. Серьезныя выражаютъ, я думаю, воздѣлыванье винограда, а веселыя употребленіе онаго въ видѣ вина. Откладываю серьезныя статьи до болѣе свободнаго времени и принимаюсь за веселенькія.

Вотъ стихи, писанные 66 лѣтъ назадъ тому:

Изъ пьесы: «Деревенскій Оракулъ при наступленіи новаго года».

Филиповской лишь нощъ пройдетъ благополучно,
И дѣвушкамъ сидѣть за гребнемъ будетъ скучно,
То всякъ почти о томъ заботится гадать,
Что новой годъ кому желаетъ въ руки дать? •

Слѣдуетъ описаніе гаданья пахаря. Потомъ:

«У дѣвушекъ совсѣмъ иная забота,
Но съ новаго узнать желаютъ точно года:
Какой по суженѣ достанется женихъ,
Богатый или голъ, пресмирной или лихъ?» •

Для этого

«Собравшись вечеркомъ въ одну онѣ избушку
И смѣлой въ страхѣ быть уговоря другъ дружку,
Уходятъ предъ овинъ всѣ вмѣстѣ на гумно,
Иль къ банѣ во полночь подъ низкое окно....»

Послушайте далѣе:

«Къ которому одна спиной оборотившись,
«Шави меня», ворчить, немного наклонившись....»

Что это такое *шани*?

«И ежели тогда почувствуетъ она,
Что будто бы ее кто гладилъ изъ окна
Не голою рукой, но будто бы мохнатой,
То будетъ, мнить она, женихъ у ней богатой;
Но если голая хватнетъ ее рука,
Мнить, нѣтъ у жениха съ рублями сундука.
Когда жь раскинетъ бѣсъ свою предъ баней сѣтъ
И дѣвку по спинѣ царапнетъ востра плѣтъ,
То бросившись она вдругъ съ визгомъ отъ окошка

И кидаясь вездѣ, какъ бѣшеная кошка,
 Подругамъ всѣмъ своимъ испуганнымъ твердить :
 « Ай, ай, ай, ай! женихъ мой, дѣвушки, сердить! »
 Другія на святки желаютъ знать вседушно,
 Красивъ ли будетъ мужъ, что дѣвкамъ очень нужно....

Описываются разные способы гадать о разныхъ предметахъ.

Далѣе :

• Но, чтобъ еще узнать и нравы жениховы,
 Не будутъ ли они у пьянаго суровы,
 Невыдѣланную взявъ кожу со хвостомъ,
 Бѣгутъ съ наполненнымъ загадками умомъ
 На прудъ или на рѣку, гдѣ пролубь есть готова
 И гдѣ препятствія не видать никакова :
 Такое изобразивъ мѣстечко во полночь
 И прогоняя страхъ отъ трусости весь прочь,
 Садятся очертясь у пролуби на кожу,
 Не журкня слушаютъ, закрывъ глаза и рожу.

Подкравшись иногда бѣсъ хитрой въ случай сей
 И кожу взявъ за хвостъ всей силою своей
 Къ посмѣшищу непряхъ, затѣйливыхъ святошницъ
 Таскаетъ всюду сихъ до сужена охотницъ,
 Не внемля визгу ихъ какъ будто бы на смѣхъ,
 Въ глубокой суетѣ всѣхъ чѣмъ ни попало снѣгъ..

Алексѣй Фялковскій.»

Все это любопытно для людей, изучающихъ старинные нравы и
 обычаи. Теперь послушайте, какъ въ той же книгѣ описана, неиз-
 вѣстнымъ поэтомъ, *Масляница* :

• Сія румяная, роскошная богиня,
 Въ кулачныхъ всѣхъ бояхъ безстрашна ирония,
 Таскаясь по градамъ по селамъ, деревнямъ
 Слѣды хоть по себѣ вреда являетъ намъ ...»

Но невозможно противиться ея искушеніямъ. Слѣдуютъ опи-
 санія разныхъ удовольствій на Масляной. Потомъ :

• Пошла вездѣ родня, одинъ другому кумъ :
 Работа ужъ тогда у всѣхъ неидеть на умъ.

Среди бездѣлія во роскоши такой
 Заботы молодцамъ свербѣжимъ нѣтъ иной,
 Какъ только на бои пойти туда кулачны
 И храбрости явить успѣхи тамъ удачны
 Тогда собираются не въ тучи облака,
 Но сыплютъ мужики толпой на кулака.

Вдоль улицъ въ деревняхъ установясь стѣною
Противну стѣну сбить жадають предъ собою.
Не страшный Марсъ стоитъ съ мечемъ передъ стѣной,
Зачинщикъ со щекой, дѣтина удамой.

Всѣ кажутся почти съ распухлыми щеками,
Сугробы свѣжныя потоптаны ногами,
Иной лежитъ въ снѣгу сраженный въ битвѣ мщѣ,
Нѣтъ шапки на главѣ, нѣтъ ратныхъ рукавицъ;
Всѣ ищутъ въ кулакахъ довольною причину,
Что небо для другихъ казалось съ очину....» и проч. и проч.

А вотъ повѣсти Кервантова и Клеопатрина. Мнѣ, право, стыдно, что я, пользуясь простодушіемъ добраго старичка, получилъ это сокровище за гривенникъ. Въ сколькихъ рукахъ перебывали эти книги? и гдѣ всѣ эти люди? и что съ ними? Меня взяло раздумье; мнѣ стало досадно, что въ моей душѣ на эту пору не оказалось надлежащаго количества творческаго жару. Сколько бы увлекательныхъ повѣстей могла внушить мнѣ эта книга!

На корешкѣ, гдѣ была нѣкогда позолота, изображавшая—не знаю ужъ для чего—какія-то урны, сохранились впадинки оттиснутыхъ буквъ. Разбираю, догадываюсь и наконецъ читаю вслухъ: «Сельская Библиотека», томъ «2». Какое открытіе! Развертываю книгу и встрѣчаю, на первомъ чистомъ листкѣ, вклеенномъ переплетчикомъ, различныя надписи. Читатели этой книги росписались здѣсь въ томъ, что они ее дѣйствительно читали. Первая надпись: «Изъ книгъ господина ....» фамилія затерта, вѣрно, по какому нибудь особенному обстоятельству. Потомъ слѣдуютъ надписи читателей, но, къ сожалѣнію, какъ это видно по почерку, одной только, довольно близкой къ намъ эпохи. Видно, въ старинной Россіи не знали еще, для чего переплетчики вклеиваютъ въ началъ и въ концѣ книги по чистому листку. Все, однакожъ, любопытно, кто, когда и съ какими чувствами читалъ эту книгу. По почерку надписей видно, что читали ее съ восхищеніемъ. Привожу для образца одну изъ нихъ:

«Росписался санкъ пѣтербургской купецъ 4-и гилдии Николай Александровъ фамиліи соловьевъ свое Ручно росписуюсь мѣсяца июля 14 числа 1820».

Что же въ этой книгѣ, напечатанной, судя по шрифту, не позже половины XVIII столѣтія,—что въ этой книгѣ такого увлекательнаго, что публика 1820 годовъ такъ охотно читала ее? Очень много увлекательнаго. Я самъ не могъ отстать отъ нея, и какой

нибудь библиоманъ XX столѣтія найдетъ между почтенными именами моихъ предшественниковъ и мое имя. Я даже думаю подклеить къ ней нѣсколько чистыхъ листовъ, чтобы всѣ, кому случится читать ее, могли тоже расписаться. Представляю нѣсколько строкъ изъ «Сельской Библиотеки». Только изъ какой бы повѣсти взять: изъ «Лжеблгующей» или изъ «Приключенія млада особы»? Но къ чему выбирать? вся книга одинаково хорошо написана, — иначе не были бы нѣкоторые разорванные листы сшиты нитками, какъ пола разорваннаго кафтана. Разверну наудачу, и что придется, то и наше. Книга сама собой раскрылась на сшитыхъ нитками листкахъ. Очень любопытно знать, какія драгоценныя страницы сохранены съ такой заботливостью отъ утраты. А, да это нашъ старшій знакомецъ Жанъ-Жакъ Руссо! это его *Sophie*. Въ предисловіи сказано, что «Любовь Емілія и Софія есть можетъ быть навѣянная на нашея языкъ выдумка», а о переводѣ или о ея авторѣ ни слова; сказано только, что она разсказывается «гофмейстеромъ Еміліевымъ». Повѣсть начинается слѣдующими словами:

«Софія благородна, она хорошаго нрава, имѣетъ весьма чувствительное сердце, и сія чувствительность придаетъ ей иногда дѣйствіе воображенія, трудное къ умѣренію. Она имѣетъ.... обычай лехкій, однако неровный; видъ общественный, но пріятный.... можно подступитъ къ ней съ равнодушіемъ, но не можно оставить ее безъ движенія.... Софія любитъ убранство и знаетъ себя во ономъ... и можно сказать, что все сіе убранство не инаково расположено по своимъ мѣстамъ, дабы быть отнимаему по частямъ силою воображенія.»

Довольно, однакожь! всей книги не переписать же мнѣ. Теперь вы знаете, гдѣ такія книги добываются, и, вѣроятно, захотите познакомиться съ дядей Михѣичемъ.

М.